

Васька-пьяница и Бутыга

И подошел где Бутыга под стольне Киев-град
Он на тех же на больших черных караблях.
Выходит тут Ботыга на матушку сыру земл[ю] —
И он роздергивал шатры чернополотняны.
И ведь покрыло луну-то солнышка красного
От того-де от духу от тотарского,
От того-де от пару-ту лошадиного.
И да заходит тут Бутыга во чернён шатёр,
Он садилса-то, Бутыга, на ременьчат стул,
Он писал ведь ёрлыки скорописьчататы:
Не пером он писал, не чернилами —
И вышивали тут золотом по бархату.
И написали ерлыки да запечатали.
И как выходит-то Бутыга нонь на белой свет —
И он скрычал-де, звопёл да громким голосом:
«Уж вы слуги, мои слуги, слуги верныи!
Ишше хто из вас съездит в красен Киев-град?»
И выбиралосе Издолишшо проклятоё,
Оно долго, Издолишшо, — семисажонно,
И ведь седлало-уздало да всё добра коня
И да крутёшенько скакало на добра коня.
А берёт ёрлыки-ти во белы руки —
И как поехало Издолишшо в красен Киев-град.
Оно ехало в город-от не дорогою,
А в город-от заехало не воротами —
И да скакало через стенушку городовую,
Через те же оно башонки наугольнии.
А прямо приехало ко красну крыльцу,
И становило коня оно не привязана.
Да бежало Издолишшо на красно крыльцо
И отворяло воротецька, двери на пятау.
Оно Господу-то Богу не кланялось,
А князю Владимиру челом не бьёт
И да княгинушки Опраксеи чёху не здрастуёт,
И да кинало ёрлыки-ти на дубовой стол,

А кинало-бросало — да само вон пошло.
И да крутёшенько скочило-то на добра коня,
А поехало из города не дорогою —
И да скакало через стенушку городовую.
И да берёт князь нонь ёрлыки-ти во белы руки,
А роспецятывал ёрлыки он ноне по́части —
Ишше тот-де Владимир запечалилса.
Собирал князь Владимир-от почесьён пир —
И ише все на пиру сидят невесёлы.
Говорыт-то Владимир таково слово:
«И уж вы слуги, мои слуги, да все вы верныи,
Уж сильни мои ноньце боғатыри!
Ишше хто из вас съездит во чисто полё?»
Ишше большой-от хороницьсе всё за среднего,
А средней-от хороницьсе за меньшого,
И да от меньшого-то, братцы, — да нам ответу нет!
Говорыт Владимир по второй након.
И-за того из-за стола из-за дубового,
И-за той скамеечки белодубовой
И выставаёт удаленькой доброй молодець,
Кабы на имя Добрыня Микитиц млад.
И кабы близко ко Владимиру подвигаицсэ:
«Уж ты солнышко Владимир наш стольне-киевской!
Ты позволь-ко-се мне ноньче слово сказать,
За слово ты мошь сказнить меня, повесити!» —
«И говори-ко ты, Добрынюшка, що тебе надобно». —
«Ведь у нас-то во кружале восударевом,
И да на том на цареви да большом кабаки,
И у нас есь-де Василей, да горька пьяница,
А он можот ведь съездить во чисто полё!»
И тут надевает князь шубоцьку-ту собольюю,
Он те жа всё чобы на босу ногу
И побежал по кружалу-ту восудареву
А на тот на царев на большой кабак-от.
И да заходит на царев да большой кабак-от —
Ишше спит-то Василей на печки на муравленой:
Он спит-де, храпит, да как порог шумит.
А стал будить Владимир Васю, горька пьяницу:
«Уж ты стань-ко, Васильюшко, горька пьяница;

Ты не можешь у меня съездить во чисто полё?
И подошла-то под нас орда-сила неверная:
И ведь покрыла-то лону солнышка-то красного
И от того-де от духу от тотарьского!»
Говорыт тот Василей-от, горькая пьяница:
«Уж ты солнышко Владимир стольне-киевской!
А не могу ведь стать да головы поднять:
А болит-то моя ведь буйна голова,
А шипит у меня-та ретиво серцо,
И ведь нецим молоццу мне-ка роспохмелиццэ!»
И прыказал-то Владимир чару зелена вина,
И не велику, не малу — да в полтора ведра.
Как подносят Владимиру цяру зелена вина
А на то же на печеньку на муравлену.
И да прымаёт Василей да чару единой рукой —
Выпиваёт эту чарочку к едину духу.
Он слез-де со печеньки со муравленой —
И как бұди старык он девеноста лет.
И говорыт-то Василей ко Владимиру:
«Уж ты солнышко Владимир наш столне-киевской!
Мне ведь некак ведь ехать во чисто полё:
И ведь заложона у мян сбруюш[к]а боғатырская,
Ведь заложен у мян конь-лошадь добрая,
А не во сти рублях, не во тысечи —
А пропита у мян да в пети тысечах!»
И ише приказыват Владимир чару зелена вина:
«Ты налей-ко, чумак, чару зелена вина,
И не велику, не малу цяру — в полтора ведра».
Как подносят Васильюшку цяру зелена вина,
А берецсе Василей за чарочку единой рукой —
И выпиваёт эту чарочку к едину духу.
И кабы стал-де Василей по кабаку похаживать —
Да маленько-то Васильюшко пошатывать.
И приказыват Владимир цяру во третей након —
И наливаёт чумак чару по третей након.
И да прымаецсе Васи[ль]юшко [за] чару во третей након,
Уж выпил ведь чарочку к едину духу,
Ишше говорыт да таковы слова:
«Уж я был старык да девеноста лет —

А теперь молод-де стал дваццати годов!
Ну тепере, Владимир уж ты солнышко,
Выкупай-ко у мя ты ведь добра коня,
Ишше ту же ведь сбруюшку боғатырьскую
У того у чумака — у чоловальника!»
А прыказыват Владимир чумаку итти
А на тот ведь нонце на конюшин двор.
Как пошли-то топерице на конюшин двор,
Выводил тут ведь чумак да всё добра коня,
Отдав[а]ёт всю сбруюшку боғат[ыр]ьскую:
Во-первых-то, копьё было долгомерноё,
Во-вторых-то, был нонь да ярый тугой лук,
Во-третьих, ведь кольчуга каленых стрел,
А в-четвёртых-то, нонь да сабля вострая,
И в-пятых-то, палочка боёвая,
А не мала, не велика где — во сто пудов.
Ишше тут же Васильюшко обмундерилсэ
А во ту же во сбруюшку боғатырьскую.
И пошли они ко князю-ту на почесьён пир,
И да заходят ко князю-ту ко Владимиру.
И да челом он идёт — да низко кланеицсэ.
Ишше все-де на пиру да очунь рады все.
И побеседовал Васильюшко на чесном пиру,
И хлеба-соли поел, да пива с мёдом пил.
Да как выходят со князём-то на высок балхон —
А смотрели во трубочку подзорную
А на ту же рат-силу великую:
Обостала-обседлала ведь красен Киев-град —
И кабы буди сузёмё[о]к-от лесу тёмного.
И усмотрели царишша во чистом поли.
И тут натегивал Васильюшко ярый тугой лук,
Ярой тугой-от лук крепко розрывчивой,
А вымаёт он стрелочку свою калёную,
А кладёт он ею да во налучишшо;
Ишше сам ко стрелы да прыговарыват:
«Ты пади-ко, моя стрелочка, не на воду,
Ты не на воду пади да всё не на землю —
И ты пади ко Ботуги-то во белы груди!»
И как спустил-то Василей тетивочку шолковую —

И полетела ёго стрелочка калёная,
Как змея ровно да подколодная.
Да разлетелась эта стрелоцька прямо во белы груди,
И распоролла она да всё белы груди,
Росколола у Бутыги-то ретиво сердце, —
И увалилса Бутыга на матушку сыру землю.
После этого Васильюш[к]о ведь сохаживал
И он на ту же на матушку сыру землю,
И он седлал-де, уздал своёго добра коня,
И он вязал-де подпружечки шолковыи.
(И да двенаццэт[п]руг было шолку белого,
И да тринаццата под[п]руга — через хребетьню кость!)
И да крутёшенько скочил Василей на добра коня,
И он быстро поехал во чисто полё.
И он приехал же к той рати-силуш[к]и великое,
И он нацял поежживать со краечку,
И он начал порубливать по-прежнему:
И он куда не приедёт — дак улицэй валит,
А назад отмахнёт — да переулочки;
И он рубил это силу да челы суточки —
Изрубил эту силу да ведь до семени!
И которых убил, а кои и так ушли —
Он очистил-де нонь да красен Киев-град.
Да от этой же силоцьки отъехал он —
И становил он шатёр да рыта бархату.
И он заходит в шатёр во свой белополотняной —
И становил он тут кроваточку тесовую,
Ишше сам повалилса да на кроватку спать.
А спит-то Васильюшко челы суточки,
А Владимиру-ту князю да невтерпёж стало,
И посылает он Добрынюшка Микитица:
«Поежжай-ко ты, Добрынюшка, попроведай уж,
Ишше жив ли у нас да доброй молодець.
Ежели жив-то ведь нонь — да ты вернись скорó!»
А крутёшенько Добрынюшка седлал коня,
А круче того Добрынюшка ведь скочил на коня —
А поехал Добрыня во чисто полё
Ишше к той же ведь к рати-силы великое.
Да росматривал Добрынюшка эту рать-силу:

А положона эта силушка на сырой земли
Ишше тем, видно, удаленьким добрым молоццом.
Он стал-де смотреть в трубочку подзорную,
Недалечко увидял ноньче бел шатёр.
Подъезжаёт Добрыня ко белу шатру,
И он соскакивал, Добрынюшка, со добра коня,
А заходит Добрынюшка во бел шатёр:
А спит-то удаленькой доброй молодеч
А крепким-де он сном да богатырским.
Ишше стал он будить да доброго молоцца:
«Я приехал, Васильюшко, тя проведывать!
И ты стань-пробудись, да доброй молодеч, —
Мы поедём мы с тобой ноньче на радость всё!»
Да ставаёт Васильюш[к]о на резвы ноги,
И да сядилисе они да на добрых коней —
А поехали они ко князю ко Владимиру,
И со большой они поехали со радосью.
И уж едут как два удалых добрых молоцца,
Они едут по Киеву-ту по городу —
Уж буди как нонь да два ясныя сокола —
А прямо-то едут на конюшин двор.
А стречают их слуги тут как верныи,
Убирают у их да всё добрых коней.
А пошли они ко князю да ко Владимиру
А во те жа во ёго да светлы светличи.
А стречаёт Владимир-от со радосью,
И садит-де он их да за дубовой стол:
А подносит им чарочки зелена вина,
А даёт же им место подле нонь себя.
Ишше пили где, ели да добры молоццы
Ишше ноньце они до глубокой ночи.

(Зап. А. Д. Григорьевым 16 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тярсова Андрея Яковлевича, 52 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.